

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21—23 июня 2012 г.

Создание надежного будущего

**СЫРЬЕВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ 3
МИЛЛИАРДОВ НОВЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ВО ВСЕМ МИРЕ**

Дебаты

22 июня 2012 г. — 14:45—16:00, Павильон 4, Зал 4.1, Арена

Санкт-Петербург, Россия

2012 г.

При поддержке «РУСАЛ»

Модератор:

Чарльз Робертсон, Главный экономист, Renaissance Capital

Выступающие:

Доминик Бартон, Управляющий директор, McKinsey & Company

Айван Глазенберг, Генеральный директор, Glencore

Джун Ма, Управляющий директор, главный экономист, Deutsche Bank в Китае

Владислав Соловьев, Первый заместитель генерального директора, ОК
«РУСАЛ»

Ч. Робертсон:

Дамы и господа, большое спасибо, что пришли на заседание этой группы. Мы будем обсуждать тему «Сырьевая безопасность и обеспечение потребностей трех миллиардов новых потребителей во всем мире».

Разрешите представиться: меня зовут Чарльз Робертсон, Главный экономист и руководитель отдела стратегического планирования компании Renaissance Capital.

Экономистам платят за то, чтобы они беспокоились, поэтому мы высматриваем во всем негативную сторону. Стратегам же платят за то, чтобы они видели положительное, так что я нахожусь в затруднительном положении. Я хотел бы спросить у вас, каков ваш прогноз развития этого сектора экономики в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Прежде чем я представлю вам нашу группу, я хочу показать несколько слайдов. Это прогноз роста мирового ВВП по данным МВФ. Несмотря на мировой финансовый кризис, этот прогноз предусматривает непрерывный рост мирового ВВП в ближайшие несколько лет.

Исключением из этой тенденции является отсутствие сколько-нибудь значительного роста в странах «Большой семерки». Эти страны играют все менее значительную роль. В гораздо большей степени мы зависим от Китая, о чем доктор Ма расскажет нам через пару минут. Это внушает некоторый оптимизм. Здесь вы можете видеть более подробную информацию. Если вы посмотрите на список сорока стран с крупнейшими экономиками, то увидите, что Китай сегодня является страной со второй по величине экономикой мира.

Бразилии удалось вытеснить Великобританию с шестого места, и мы теперь седьмые. Италия, по-моему, опускается в рейтинге, в то время как Россия поднимается вверх. Кроме того, Африка сегодня представляет собой континент со стоимостью составляющих его экономик в два триллиона долларов США. Там действительно происходят большие изменения. Глядя на Грецию, удивляет то, что такая маленькая страна создает так много проблем.

Такова картина глобальной рыночной экономики. Имеет место смещение экономического развития и роста ВВП в сторону развивающихся стран.

Теперь перейдем к рассмотрению энергоресурсов. Черная линия на графике показывает стоимость энергии в процентах к мировому ВВП. В 1960-е годы мир тратил на нефть 1% ВВП. В 1970-е годы во время арабо-израильской войны этот показатель подскочил до 4,5% ВВП. Что произошло в результате такого роста? Сформировалось новое предложение. Были открыты месторождения нефти в Мексике, на Аляске и в Северном море. Результатом нового предложения было то, что, когда в 1980-1981-х годах вследствие потребительского шока мировые цены на нефть взлетели до 7-8% ВВП, спрос во всем мире упал, поскольку существовало сильное предложение. Объем используемых ресурсов снова упал до неожиданно низкого уровня.

Теперь перенесемся в 1990-е годы. Мы стали свидетелями развала Советского Союза, который был одним из самых неэффективных пользователей ресурсов в мире. Советская система была способна взять нефть, уголь, железную руду и произвести сталь, стоившую меньше, чем уголь, железо и нефть, с использованием которых она была произведена. Так что с развалом Советского Союза не стало одного очень неэффективного пользователя ресурсов. Сырьевые товары продолжали оставаться очень дешевыми. Сейчас на подъеме Китай, а Советского Союза больше нет. Сегодня существует Россия, которая работает на гораздо более разумных экономических принципах. Кроме того, вырос уровень спроса в мире.

Вопрос в том, существует ли риск нового спада. Возникнет ли еще один глобальный потребительский шок, если Испания выйдет из еврозоны, Китай совершит «жесткую посадку» или Америка не сможет миновать своих финансовых рифов? Когда я задаю такие вопросы, во мне говорит экономист. Это вызывает беспокойство, но сидящий во мне стратег все же берет верх и указывает на то, что, если в левой части диаграммы мы посмотрим на спрос на энергоносители в Китае, то увидим, что Китай в настоящее время потребляет около двух миллионов баррелей нефти в день, по сравнению с

Японией, которая в 1965 году потребляла шесть миллионов, а Соединенные Штаты — 20 и даже больше.

Если бы Китай и Индия потребляли столько же, сколько потребляла Япония в 1965 году, когда рынок развивающихся стран был очень мал, то Китаю сегодня требовалось бы 23 миллиона баррелей нефти в день вместо девяти. Это говорит о том, что впереди нас еще ждет рост спроса на сырье и энергоресурсы.

Если посмотреть на мировой ВВП за последние 30 лет, то видно, что по мере его роста производство алюминия тоже должно резко возрасти, чтобы не отставать от среднего уровня. Как видно из этого графика, в мире до сих пор производится недостаточное количество меди. Если посмотреть на эти диаграммы, то видно, сколько энергоресурсов используется в Китае и Индии в сравнении с развитыми странами. В связи с этим легко прогнозируется тенденция к повышению спроса на ресурсы.

Возможно, я еще вернусь к этим диаграммам по ходу нашей дискуссии, но сначала я хотел бы обратиться к доктору Ма. В отношении китайской экономики существуют опасения по поводу ее «жесткой посадки». По моему базовому сценарию, как у Японии в 1960-х и 1970-х годах, у Китая есть еще целых 20 лет для роста. Этот рост уже не будет достигать 9-10%, но ситуация по-прежнему будет хорошей.

Однако многое вызывает беспокойство. Например, замедляется рост спроса. Смогут ли в Китае переориентироваться на потребление?

Позвольте мне предоставить слово доктору Ма из Deutsche Bank. Прошу Вас, доктор Ма.

Джун Ма:

Большое спасибо, Чарльз. За последние несколько месяцев я, наверное, раз двести слышал эти вопросы относительно того, будет у Китая «жесткая» или «мягкая» посадка.

В сегодняшней ситуации, я думаю, мы переживаем то, что воспринимается или ощущается как «жесткая посадка». Я говорю о текущем квартале и самом начале следующего. На мой взгляд, к концу этого года будет наблюдаться восстановление привычных темпов роста 8-8,5%. Сегодня этот показатель снизился примерно до 7%. Во втором квартале будущего года я ожидаю его значения на уровне 7,5%. Буквально через несколько минут я расскажу вам о конкретных причинах этого.

Такова перспектива на ближайшее будущее. Более долгосрочная перспектива, то есть следующие 5—10 лет, гораздо больше связаны со структурными изменениями, которые означают, что Китай переходит от модели развития, ориентированной на инвестиции и экспорт, к модели, ориентированной на потребление и предоставление услуг.

Эта перспективная модель в некоторой степени негативна в отношении сырьевого сектора, особенно по твердому сырью — стали, железной руде и так далее. Однако в отношении других видов твердого сырья, включая медь и алюминий, картина менее негативна, а в отношении нефти она нейтральна. Я поговорю о некоторых из этих выводов с использованием определенных аргументов и конкретного численного анализа.

Во-первых, в краткосрочном периоде мы сейчас испытываем снижение темпов роста ВВП, определяемое ужесточением политики. Это вызвано не столько европейскими потрясениями, сколько медленным экономическим ростом. В части экспорта все идет хорошо. Фактически, в прошлом месяце наш экспорт увеличился на 15% в сравнении с этим же периодом прошлого года.

Внутренняя проблема состоит в том, что у нас сейчас происходит существенное сокращение расходов на инфраструктуру. Например, расходы на железные дороги по сравнению с предыдущим годом сократились на 40%. Почему? Это произошло потому, что в 2009 году у нас был реализован мощный пакет мер по стимулированию экономики, и, как вы, наверное, помните, в начале 2009 года мы имели 200%-й рост. Государство практически израсходовало все, что планировало потратить в предстоящие годы.

Если бы в 2009—2012 годах сохранялись такие же темпы роста, это привело бы к образованию большого количества пузырей: неработающие кредиты, инфляция и т.д. Вот почему в 2010 году правительство начало ужесточать денежно-кредитную политику и политику по утверждению проектов новых капиталовложений. Однако после полутора лет адаптации идет спад, как в сравнении с предыдущим годом, так и в целом. Поэтому такое болезненное решение было вызвано необходимостью ужесточения политики после первоначального стимулирования, которое было чрезмерным по отношению к тому, что на самом деле было необходимо.

Эта проблема должна исчезнуть после периода адаптации, который будет продолжаться пару кварталов, и я уже сейчас вижу, как правительство принимает меры к поддержке экономического роста. Например, в прошлом месяце мы произвели однократное снижение учетной ставки, и, кроме того, Комиссия по регулированию банковской деятельности Китая (КРБД) рекомендовала банкам активнее кредитовать средне- и долгосрочные проекты. В дополнение к этому, финансовые органы направляют бюджетные средства на новые проекты, которые были утверждены в последние несколько месяцев.

Все это указывает на то, что через несколько месяцев произойдет в определенной степени логичное оживление в сфере инвестиций, особенно в инфраструктурном секторе. Краткосрочным инвесторам следует ожидать некоторого подъема в сырьевом секторе, хотя он не будет очень большим. Эти результаты нельзя сравнивать с показателями 2009 года, но я думаю, что в сравнении с тем, что мы имеем сейчас, ситуация будет положительной. Это краткосрочная проблема.

Среднесрочной проблемой является то, что развитие экономики Китая осуществлялось, главным образом, на основе модели, ориентированной на инвестиции и экспорт. Существует две причины неустойчивости такой модели. Первая состоит в том, что, с точки зрения инвестиций, спрос на недвижимость перестанет расти из-за демографической ситуации в стране. Численность

трудоспособного населения Китая начинает сокращаться. Фактически это началось уже в прошлом году. Мой прогноз таков, что в предстоящие несколько десятилетий численность трудоспособного населения Китая сократится на 200 миллионов человек. Это больше, чем все население России.

Как это скажется на инвестициях, если учесть, что работающие граждане — это, прежде всего, население, покупающее жилье? Вы вступаете в ряды работающих, получаете работу, создаете семью, у вас появляются дети, и вы хотите купить квартиру. Вначале, как минимум, должен замедлиться рост такого спроса, а, позднее, возможно, он и вообще будет снижаться.

Это сократит темпы роста в секторе недвижимости, который был главным фактором привлечения иностранных инвестиций и роста потребления сырья, особенно его твердых видов, таких, как сталь, железная руда и так далее. Это является фундаментальной причиной структурного характера.

Другой причиной является то, что старение населения само по себе приведет к повышению норм потребления в стране, так как пожилые люди фактически получают доход, ничего не производя. Они получают свои доходы только от государства, однако им тоже необходимо потреблять. Поэтому на общегосударственном уровне нормы потребления у пожилого населения будут очень высоки. На долю пожилых людей в настоящее время приходится около 10% всего населения. Через сорок лет эта цифра будет приближаться к 30%. Такое значительное увеличение доли пожилых людей в общей численности населения приведет к увеличению норм потребления. Соответственно, возрастет доля потребления в ВВП страны.

Это еще одна причина, по которой Китаю придется переходить на модель развития, ориентированную на потребление. В рамках такой модели будет потребляться меньше сырья, особенно таких его видов, как сталь и железная руда.

Этот прогноз будет сильно различаться по каждому конкретному виду сырья. Мы должны будем рассмотреть множество деталей, а также причины того, почему

баланс между спросом и предложением приведет к определенному пути развития. Например, в начале этого года мне из группы прогнозов передали, что в течение трех лет спрос на цемент в Китае достигнет своего пика. Это означает, что через три года абсолютный уровень спроса достигнет максимума, а затем начнет снижаться. Я думаю, что максимум потребления стали наступит через пять лет. После этого абсолютный уровень потребления стали и железной руды в Китае будет падать. Медь достигнет своего пика в 2025 году — это еще 13 лет — потому что медь широко используется не только в строительстве, но и в экономике в целом. То же относится и к алюминию.

Нефть — это такая переменная, которая гораздо больше ассоциируется с ростом ВВП, чем со строительством. Большие усилия прикладываются к тому, чтобы получать энергию из альтернативных источников, а не из традиционных нефти и угля. Тем не менее, эти усилия не принесут заметных результатов, так как на долю угля в нашей экономике все еще приходится более 60% от общего объема энергопотребления. Доля нефти тоже очень значительна. Доля альтернативных источников энергии настолько мала, что, даже если она будет расти на 20% в год, ситуация в целом не изменится. Я думаю, что перспективы на предстоящее десятилетие в Китае таковы: спрос на нефть будет увеличиваться на 4% в год, а спрос на уголь даже с сегодняшнего очень высокого уровня, вероятно, будет расти на 4—5% в год. Спасибо.

Ч. Робертсон:

Айвен, могу я обратиться к Вам и спросить: принимая во внимание такой сценарий 8%-го роста, насколько важен для Вас Китай? Насколько важны другие страны, которые тоже идут к такому циклу спроса, например, Индия?

А. Гласенберг:

Доктор Ма, наряду с Вами, отметил несколько положительных тенденций, и я попробую связать все это вместе, чтобы объяснить, какими мы видим как

сторону предложения, так и сторону спроса. Вы показали нам несколько слайдов по душевому потреблению различных сырьевых товаров, например, нефти и алюминия. Вы не упомянули медь и цинк. Но это два интересных сырьевых показателя, и наш взгляд точно совпадает с тем, что сказал доктор Ма.

Единственное, о чем Вы, доктор Ма, не упомянули, это о том, что сегодня Китай потребляет 50% мирового сырья. Например, Китай сегодня потребляет около 22 миллионов тонн алюминия, и на его долю приходится примерно 50% мирового потребления меди. Это необходимо учитывать, когда мы говорим о росте ВВП в Китае.

Я согласен с Вами в том, что в первой половине года в этой стране произошло замедление роста. Важно понимать, что все испытывают панику относительно замедления роста в Китае в первом полугодии, но это не то, что было в 2008 году, когда мир заставил Китай замедлить рост. Причина сегодняшнего замедления роста — в самом Китае. Всем, кто обеспокоен этим, следует знать, что страна сможет снова его запустить. Мы уже наблюдали это в вопросе норм банковских резервов, где китайские власти начали делать послабления.

Как Вы правильно сказали, таких расходов на инфраструктуру, как в 2009 году, сейчас нет, но мы считаем, что во второй половине 2012 года расходы на инфраструктуру будут выше.

Все ожидают, что рост ВВП составит 7—8%, и считают, что с потреблением сырья все будет не так хорошо, потому что это будет не 9 или 10%, как раньше. Тем не менее, рост на 7,5% с гораздо большей базы, чем та, которая у нас была три или четыре года назад, имеет большое значение для сырьевых товаров. Мы ведь сейчас говорим о 50% мирового потребления сырья.

Итак, спрос выглядит довольно хорошо, но, как говорит доктор Ма, по разным видам сырьевых товаров ситуация разная. Если перейти от расходов на инфраструктуру к потребительским расходам, там по-прежнему хорошая ситуация по меди, цинку и алюминию. Я считаю, что инвестиции в

инфраструктуру будут продолжаться еще в течение какого-то времени, потому что в ближайшие несколько лет Китаю потенциально нужно урбанизировать 300—400 миллионов человек.

Если посмотреть на Китай, то спрос там существует, с чем согласен и доктор Ма. Поэтому теперь нам нужно посмотреть на мир и не забыть Индию и другие страны, которые на самом деле никто не берет в расчет. Например, Индонезия сегодня является крупным экспортером сырьевых товаров, и в этой стране наблюдаются более высокие темпы роста ВВП. В Индонезии ожидается значительное увеличение расходов на инфраструктуру. Однако Индия — еще более крупный игрок. Когда-то мы все вдруг проснулись и заметили изменения в Китае и расходы на инфраструктуру, которые там были произведены в 2002 году. В Индии тоже начинается движение, хотя и не в таком же масштабе, но там уже можно наблюдать начало инфраструктурных расходов. Строится много новых портов и железных дорог. Мы видим, что в Индии строится все больше угольных электростанций, идет массовый морской импорт энергетического угля.

Я думаю, что Индия сегодня ввозит около 80 миллионов тонн энергетического угля, и эта цифра быстро растет. Для сравнения, Китай импортирует около 200 миллионов тонн энергетического угля. Таким образом, вы видите, что Индия начинает продвигаться вперед и идет в том же направлении.

Но, рассматривая сырьевые товары, если Вы в своих слайдах акцентируете свое внимание на Китае и говорите о том, где в итоге окажется Китай, то мне нравится идея — проанализировать душевое потребление в западных странах и задать вопрос: «Почему бы Китаю в конечном итоге не иметь таких же показателей?» Я не знаю, как скоро они смогут этого достичь. На самом деле, я не могу с уверенностью сказать, когда они этого достигнут в области потребительских расходов. Тем не менее, Китай станет похож на западные страны: он будет потреблять столько же алюминия и нефти на душу населения, сколько потребляем мы на Западе. Ваши графики показывают,

каким был бы спрос, если бы Китай потреблял столько же меди на душу населения.

Если бы Китай потреблял столько же алюминия на душу населения, сколько потребляем мы в западных странах, нам пришлось бы дополнительно выпускать еще 110% мирового объема производства алюминия. Это огромное количество. Не знаю, сколько времени ушло бы на то, чтобы достичь увеличения производства этого сырьевого продукта на 110%. Что касается нефти, думаю, что цифры говорят о том, что ее понадобилось бы добывать примерно на 37% больше. По такому сценарию нам пришлось бы производить на 67% больше меди для одного только Китая.

Как Вы правильно сказали, это без учета Индии и Индонезии. Вы предполагаете отсутствие роста в Америке или Европе, и в течение какого-то времени, вероятно, так оно и будет, пока мы ждем, как будет развиваться ситуация в Европе. Все это тоже построено на предположении, что в остальной части мира ничего не произойдет.

Даже основываясь только на примере Китая, можем ли мы удовлетворить мировой спрос? Давайте будем надеяться, что нам не придется стать свидетелями распада Европы, в противном случае весь этот сценарий распадется на куски, потому что тогда мы все равно не добьемся роста. Поэтому мы должны надеяться, что Европа будет оставаться стабильной.

Если предположить, что Китай и упомянутые другие страны будут развиваться по такому сценарию, то миру придется решать, как произвести столько сырья. Если взять только медь, то будет чрезвычайно трудно добиться увеличения ее мирового производства на 67%. Это потому, что мы производили медь, цинк и многие другие виды сырья, такие, как уголь, в странах, где это легко делать вследствие развитой инфраструктуры.

Мы делали это в Чили, Перу, Австралии и Южной Африке. Мы работали в комфортных условиях с точки зрения инфраструктуры, которая там уже была развитой. В целях повышения мировых поставок этих видов сырья сегодня нам пришлось бы идти в трудные страны. Мы всегда сначала шли в те страны,

где уже была инфраструктура. Часто это были передовые страны мира. Сегодня приходится идти в более трудные страны. Куда идем мы, и куда идет Китай? Он уже начинает обеспечивать себе надежного поставщика, как это сделала Япония в 1960-х годах, когда крупномасштабно вложилась в австралийскую сырьевую отрасль. Все развитие, которое имело место в Австралии в этой сфере, было стимулировано японцами. Не надо забывать, что в то время Министерство внешней торговли и промышленности Японии предоставляло торговым компаниям дешевые кредиты на инвестирование в Австралии.

Теперь нам придется идти в трудные страны, в которых имеются большие минеральные ресурсы. Где же они, эти страны? В Африке. Африка — это нелегкий континент. Там отсутствует инфраструктура. Большинство стран прошли через войны и теперь восстанавливаются. Как компания, мы очень активны в Африке, но это очень непросто. Существуют такие проблемы, как, например, нехватка электричества. Там недостаточное энергоснабжение. Отсутствуют инфраструктура, порты, железные дороги и хорошая дорожная сеть.

Если вы думаете о том, чтобы в мире производилось на 67% больше меди, то уже сегодня вы должны увеличить ее производство на 30%. Достичь этого будет нелегко. В Африке многое должно произойти. Будем надеяться, что мы сможем это сделать, иначе снабжение в мире будет недостаточным.

Мы можем последовательно рассмотреть один вид сырья за другим, но, как мы говорили, обсуждая алюминий, центральную роль в этой ситуации играет энергетика. Где сейчас в мире находятся ключевые энергетические точки? Возможно, сланцевый газ в Америке обеспечит дешевую электроэнергию, и Америка снова станет крупной промышленной страной, а также одним из основных производителей алюминия. Однако, что касается большинства этих видов сырья, по-моему, в рамках нашего сценария развития спроса мы должны сосредоточиться на предложении. Я считаю, что это будет трудно, так как в мире будет большая проблема с инфляцией.

Ч. Робертсон:

Я согласен с тем, что такая угроза все еще существует. Если Федеральный резервный банк все сделает правильно, то он спровоцирует небольшую инфляцию, чтобы избавиться от части своих долгов. Вы подняли массу вопросов, о которых, я думаю, Вам, Владислав, есть смысл поговорить, учитывая то, что Ваша компания является не только крупнейшей алюминиевой компанией в мире, но и первой попавшей в листинг Гонконгской биржи. Кроме того, она пошла по пути инвестирования в Африке.

У нас такое мнение по Африке: есть смысл вести там проекты в горнодобывающей отрасли, экономический рост во многих странах становится гораздо более стабильным, примерно на уровне 7% в год, а местные правительства работают все лучше. Ситуация в целом там улучшается. Это действительно так?

У Вас есть опыт такой работы. Как Вам представляется ситуация с Китаем? Насколько это важно? Сколько времени в месяц вы тратите на просмотр данных по Китаю? Какими Вам видятся возможности на других рынках — таких, как Индия? Кроме того, если бы Вы могли рассмотреть вопрос поставок, это было бы весьма полезным.

В. Соловьев:

Спасибо. Почему мы так много говорим о Китае? Если мы посмотрим на рост ВВП в мире, то в развивающихся странах он составляет 5%, а в развитых странах — 2%. В то же время в Китае этот рост составлял не менее 9%, и даже сегодня, когда идет его замедление, новые прогнозы на второе полугодие составляют 7,5%. Это очень много. Семь с половиной процентов роста — это, по крайней мере, в два или три раза выше, чем в развитых странах, вот почему Китай сегодня столь важен.

На этом слайде показано, что уровень урбанизации в Китае пока составляет 40—50% по сравнению с 70—80% в развитых странах. Как Вы сказали,

главной движущей силой процесса урбанизации является рост инфраструктуры. У меня есть ряд цифр, которые позволяют сравнить китайскую инфраструктуру с инфраструктурой США. Сегодня в Китае 175 аэропортов по сравнению с 5 194 в США. Между этими двумя цифрами огромная разница. В Китае на тысячу квадратных километров территории приходится 429 километров дорог в сравнении с 710 километрами в США. То же самое касается железных дорог: в Китае — 10,02, в США — 24,5. Все это указывает на огромный потенциал развития инфраструктуры в Китае.

Если посмотреть на ситуацию сегодня, то здесь не стоит вопрос немедленного роста. Это вопрос сокращения поставок. Нынешняя ситуация на рынке алюминия такова, что на складах имеется огромное количество металла, который может быть выпущен на потребительский рынок. Производственные мощности для этого уже не понадобятся. Именно поэтому существующие производители, чтобы сохранить стабильные цены, сейчас должны делать основной упор на сокращении производства: при нынешнем уровне цен на алюминий, по крайней мере, 30% или 40% всех металлургических предприятий являются неприбыльными.

Китай сегодня пытается применять новые меры поддержки местных производителей и сокращает тарифы на электроэнергию в некоторых южных провинциях. На мой взгляд, это неправильный подход. Мы не должны оказывать поддержку убыточным металлургическим предприятиям. Для оздоровления рынка лучше постепенно сокращать производство, после чего закрыть или законсервировать такие предприятия.

Если не сделать это в ближайшем будущем, то в долгосрочной перспективе у нас возникнут проблемы. Я вижу, по крайней мере, три главные проблемы, которые могут возникнуть в будущем из-за этого кризиса.

Во-первых, это энергия. Энергия является очень важным ресурсом для производителей алюминия или любого другого сырьевого товара, и мы определенно предвидим нехватку этого ресурса. Такое положение имеет

место не только из-за недостаточного количества нефти или угля, но и из-за экологических проблем.

Если посмотреть на ситуацию в Китае с точки зрения экологических стандартов, то я думаю, что в ближайшем будущем эта страна столкнется с множеством проблем. Поэтому мы, как производители, должны более внимательно посмотреть на возможность изыскания чистых источников энергии для производства сырья, таких, как гидроэлектроэнергия или, возможно, газ.

Ситуация с американским газом такова: цены на газ и электроэнергию в некоторых частях США в настоящее время ниже, чем в России. Российскому правительству нужно обязательно обратить на это внимание и каким-то образом реформировать свою энергетику в ближайшем будущем.

Другой вопрос, который может стать препятствием для будущего роста и удовлетворения будущего спроса, — это ресурсы. 60% ввозимых в Китай бокситов поступает из Индонезии. Если бы завтра Индонезия ввела запрет на экспорт этих ресурсов, это немедленно сказалось бы на всем — от цен до себестоимости производства.

Африка — это совсем не легкое решение. Это большой континент, и, если посмотреть на реальную ситуацию, совсем не просто идти в Африку и искать новые возможности для разработки бокситов, железной руды или чего-то еще. Что касается Гвинеи или Нигерии, то там нет стабильности. Вот почему все идет не так быстро. Если бы завтра положение дел в мире изменилось, и мир столкнулся с ситуацией, в которой ему потребовалось бы потреблять в два раза больше меди, алюминия или цинка, то мы определенно не смогли бы удовлетворить такой спрос. Такой рост спроса невозможно удовлетворить в ближайшие два-три года и даже за пять лет.

Третий вопрос касается инвестиций. Сегодня мы видим, что инвестиции сокращаются, и происходит консервация нашего потенциала. Опять же, если бы нас попросили немедленно ускорить рост, то временной разрыв составил бы два, три года или даже пять лет.

Ч. Робертсон:

Мне очень хочется попросить Владислава Соловьева обозначить то, что должны сделать сегодня правительства, чтобы помочь в этом. Но для начала я хочу показать еще один график, который касается сельского хозяйства.

Мы уже говорили о том, как китайцы, становясь богаче, все больше становятся похожими на население западных стран. Одним из аспектов, по которым они становятся похожи на жителей стран Запада, является увеличение потребления мяса. На днях я посмотрел данные по этому вопросу. Средний американец съедает 120 килограммов мяса в год, что составляет два килограмма мяса в неделю.

Здесь мы говорим о средних показателях. Это означает, что и дети тоже каждую неделю съедают по два килограмма мяса, а это питание с довольно высоким содержанием белка. В настоящий момент китайцы потребляют примерно 40—50 килограммов в год, и мы не можем с уверенностью сказать, как будет развиваться ситуация дальше.

Возможно, они станут питаться, как японцы, которые тоже едят всего 40—50 килограммов мяса. Но помимо этого, они едят много рыбы, которую мы учитываем отдельно. Если мы посмотрим на Тайвань и Гонконг, то увидим, что там китайцы съедают 120 килограммов мяса в год. Так что, становясь богаче, китайцы едят столько же, сколько и американцы.

Помимо питания с высоким содержанием белка, я еще хочу показать вам с помощью этих диаграмм, что мировые запасы, например, пшеницы, раньше составляли примерно 200 миллионов тонн. Большой черный сектор в верхней левой части диаграммы отражает китайские запасы пшеницы. Произошло их резкое сокращение.

Китай уже стал импортером соевых бобов. В этом году он начал импортировать кукурузу. Когда я обращаюсь к официальным лицам Китая и спрашиваю, как у них обстоят дела с урожаем, объясняя им, что не могу найти данных, они говорят, что они плохих данных не публикуют.

Трудно сказать, какова ситуация с запасами, но мы знаем, что их меньше, чем было раньше. Мы знаем, что поставки продуктов питания тоже представляют проблему. Мы видели это во время «арабской весны», а также в 2006 году.

Доминик Бартон из компании McKinsey — это человек, который разговаривает и встречается со всеми. У них великолепный научно-исследовательский институт, который угрожает нам, экономистам, тем, что может оставить нас без работы. Доминик, мне интересно, каковы ваши мысли по всем тем вопросам, которые обсуждались: по безопасности ресурсов, а также, возможно, по продовольственной безопасности.

Д. Бартон:

Спасибо, Чарльз. Основное внимание в своих замечаниях я, возможно, уделю трем областям. Одна из них — это общая ситуация. Я просто хочу дополнить то, о чем здесь все уже говорили. По нашей оценке, через некоторое время мы будем наблюдать длительный цикл бума в области сырьевых товаров. Это довольно общее утверждение, но я думаю, что, возвращаясь к Вашему аргументу о стратегах и экономистах, я смотрю на ситуацию чрезвычайно оптимистично. Сказать, потребуется на это 15, семь или девять лет — это дело экспертов. Вопрос, который мы, в частности, рассматриваем, это урбанизация. В мире каждую неделю из сельских районов в города переезжает 1,2 миллиона человек. Это, главным образом, происходит в Азии, но также в Африке и Южной Америке. Эти люди едут, несмотря ни на что. Они переезжают независимо от того, что делает или не делает Европа. Люди, жившие в Китае, знают, что Партия пыталась остановить и ограничить миграцию из сельских районов в города. Это сделать просто невозможно. Шанхай каждый год растет на 500 тысяч человек, нравится кому-то это или не нравится.

Это ведет к большим изменениям с точки зрения увеличения доходов, потребностей в инфраструктуре и так далее. На наш взгляд, это будет продолжаться, по меньшей мере, еще 25 лет. Это долгий процесс.

Кроме того, действуют и все те факторы, которые Вы упомянули. Мы с этим полностью согласны. По вопросу инфраструктуры я также полностью согласен с тем, что Вы говорите. По нашим оценкам, в Азии в ближайшие десять лет одни только потребности в инфраструктуре оцениваются в десять триллионов долларов США. Десять триллионов долларов! Это огромные возможности.

Даже относительно Китая, когда говорят о том, сколько там аэропортов, я бы хотел вернуться к Вашим цифрам. Мы считаем, что предстоит пройти еще долгий путь, хотя очевидно, что при этом все больше будет преобладать ориентация на потребление.

Поэтому я просто хочу сказать, что мы это сильно ощущаем. Я бы также хотел сказать, что, по-моему, мы находимся в критической ситуации: где мы найдем ресурсы, чтобы обеспечить требуемый объем поставок? Сейчас я хочу остановиться на проблеме продовольствия и воды. По нашей оценке, пищевая промышленность выглядит так, как горнодобывающая промышленность 40 лет назад. Я должен быть осторожен в том, что говорю в присутствии экспертов, но я говорю об этом с точки зрения фрагментации и возможностей. Я думаю, что со временем мы увидим значительные изменения в стоимостных цепочках производства и сбыта продовольственной продукции. Вот почему, я думаю, в мире сейчас происходят некоторые интересные приобретения.

Мы видим формирование компании Brazil Foods, которая становится мировым лидером среди продовольственных компаний путем сведения вместе различных игроков для того, чтобы вместе добиться нужного масштаба для достижения поставленной цели. Это происходит по той причине, о которой Вы, Чарльз, как раз говорили, показывали диаграммы, где видно количество пахотных земель, а также темпы роста поставок и перехода от зерна к мясу в потреблении.

Попутно возникает вопрос воды. Мы считаем, что вода будет очень дефицитным ресурсом. Продолжать использовать воду так же, как сейчас, глупо. Я уверен, что технологии помогут нам увеличить эффективность использования этого ресурса. Но если мы продолжим использовать воду так

же, как сейчас, то к 2030 году у нас возникло бы превышение спроса над предложением в 40% — а это уже большая проблема.

На воду нет установленной цены, и вокруг этого тоже возникает много разных вопросов. Около 30% мирового населения проживает в районах, где уже сегодня существует 50%-е превышение спроса над предложением. Вода и продовольствие, конечно же, идут рядом. Я не помню точную формулу перевода, но, по-моему, одному гамбургеру соответствуют сколько-то сотен литров затраченной воды. Все это тесно взаимосвязано.

Это также и вопрос энергии. В течение шестидесятилетнего периода мы наблюдали некоторое снижение цен на сырьевые товары. Я считаю, что теперь довольно долго будет наблюдаться сдвиг в другую сторону. Я бы сказал, что мы будем наблюдать такой сдвиг в течение ближайших 50 лет.

Такой же будет ситуация с реальными процентными ставками. В последние 30 лет соотношение между сбережениями и инвестициями сокращается, прежде всего, за счет азиатских вкладчиков. Теперь, когда деньги начинают вкладывать в инфраструктуру — независимо от того, достигнут эти вложения десяти триллионов долларов США или нет, — изменения неизбежны. Стоимость капитала со временем только увеличится.

И последнее, что я хотел бы сказать по этому поводу: мы не должны недооценивать роль технологий. Мы знаем, что Мальтус и Римский клуб говорили о том, что нам не будет хватать земли, и что помочь делу должны технологии. Но технологиям придется очень крепко поработать, чтобы справиться со всеми нашими проблемами.

Большое значение будет иметь понятие продуктивности ресурсов, эффективности их использования. Если посмотреть на диаграмму продовольствия, то, по нашим оценкам, вследствие порчи в мире выбрасывается в отходы 20-30% продовольствия. Нет холодильной цепи, а через эту систему проходят скоропортящиеся продукты. Вот почему потери в одной только этой сфере столь велики.

Это не решит всех проблем, но я думаю, что это та область, в которой мы все должны поработать.

С. Робинсон:

Здесь опять же существует целый ряд вопросов. Я думаю сегодня о правительствах. Причина кризиса в Европе в том, что там или взимается мало налогов, или тратится слишком много. Так или иначе, существует большой дефицит бюджета, который необходимо восполнять. Это является большой проблемой и для США.

Я хотел бы спросить Айвена Гласенберга и Владислава Соловьева о том, что могут сделать правительства. Только не предлагайте сократить налоги в горнодобывающем секторе.

И еще один вопрос: возможно, правительствам, в целях стимулирования иностранных инвестиций, придется повысить тарифы на электроэнергию. Например, это может произойти в России. Что могут сделать правительства?

А. Гласенберг:

Эта проблема стоит сегодня перед всем миром. Вы правы, когда говорите, что мир сырьевых товаров уже 60 лет практически не менялся. Люди инвестировали в сырьевой сектор в Австралии в 1960-х годах вслед за американской индустриализацией 1930-х годов и вслед за тем, как с окончанием Второй Мировой войны мы развивали поставки в разных странах мира. Но, по той или иной причине предложение в мировом сырьевом секторе стало избыточным. Горнодобывающая промышленность ведет себя странно: она любит строить. Она всегда строит. Если бы были ресурсы, то горнодобывающая промышленность вообще не думала бы о рентабельности инвестированного капитала. В Чили было много меди, а в Австралии — железной руды и угля. Мы ведем этот спор с тех пор, как произвели первичное публичное размещение (IPO) своих акций. Отрасль не уделяла внимание рентабельности капитала, она любила строить шахты. Строилось много шахт,

и в течение многих лет существовало избыточное предложение. Когда в угольный сектор пришли нефтяные компании, они сделали предложение избыточным. В то время угольная промышленность была в бедственном положении. Тем не менее, правительства этих стран были довольны тем, что инвестиции наращивались год за годом. Это было здорово, потому что строились железные дороги, объекты инфраструктуры, порты. Соответственно, платились налоги и лицензионные сборы. Правительствам было очень удобно. Они разрешали компаниям выкапывать ресурсы из земли. Правительства говорили, что никакой ценности в этих ресурсах нет, потому что было видно, что компании не окупают себя. Поэтому им разрешалось выкапывать ресурсы из земли, заниматься чем угодно, и строить инфраструктуру, что для страны было очень хорошо. Правила были заданы, и, когда каждый думал о своей модели инвестиционного решения, он знал, какие виды налогов и сборов ему придется платить.

С тех пор, как начался бум спроса в Китае, сырьевые компании вышли на хороший уровень и впервые начали получать приличную прибыль. Тем не менее, если рассматривать средний показатель за последние 20—30 лет, то рентабельность горнодобывающих компаний была невысока.

Как только они начали получать эту так называемую «сверхприбыль», которая была им нужна как компенсация за предыдущие неудачные годы, правительство стало облагать их налогами и менять систему налогообложения. Я много разговаривал с людьми о том, как они инвестировали в тех или иных странах. У людей нет уверенности относительно Казахстана, Колумбии, Конго, Замбии и многих других стран, например, России. На Западе не привыкли инвестировать в эти страны.

Я столкнулся с множеством вопросов в ходе IPO компании Glencore. Люди говорили, что мы рискованная компания, потому что мы инвестировали в страны такого типа, а люди не были уверены в том, что там происходит, и не знали об изменениях в налоговой системе, роялти и так далее. И все же первыми, кто поднял налоги в горнодобывающей отрасли, были ведущие страны мира.

Кого стремится обложить налогом любая страна в мире с дефицитным бюджетом или с дырой в бюджете, которую нужно как-то залатать? Они не хотят облагать налогом народ, потому что это — избиратели. Налоги берут с крупных горнодобывающих компаний. Даже Австралия, развитая страна мира, ввела для горнодобывающих компаний 30%-й налог. Мы с ними боролись, по этому поводу велись большие споры, и мы добились сокращения этого налога. Если бы они с самого начала сказали: «Если вы инвестируете в нашу страну, мы будем брать с вас 30%-й налог на добычу полезных ископаемых», — тогда ладно, потому что мы бы знали, чего ждать. А они объявили уже действующим шахтам, что вводят 30%-й налог на добычу полезных ископаемых. Это то же самое, что национализировать 30% активов.

Мы говорим о национализации в странах третьего мира, но это происходит в странах первого мира. В Чили изменили свою систему уплаты роялти. Мы видели, как Аргентина изменила экспортные пошлины, видели, как прошла национализация компании YPF, из-за чего теперь компании боятся инвестировать в эти страны.

Мы говорим о том, что делают страны для привлечения инвестиций. Мы только что видели, как в Боливии был национализирован оловянно-цинковый рудник. Сегодня страны делают очень мало. Если посмотреть на разные страны мира, то они делают противоположное поощрению инвестиций. Сейчас люди боятся этой отрасли, потому что, если вы начнете получать прибыль, вас тотчас же обложат более высокими налогами. Вот почему нет такого роста, какой хотели бы видеть в мире. Однако некоторые страны Африки поощряют инвестиции и не меняют все время правила. Почему они ведут себя так? Причина в том, что мы очень важны для этих стран.

Например, на сегодняшний день мы вложили около трех миллиардов долларов в Конго, но мы для них очень важны, поэтому в стране ничего не изменится. По крайней мере, я на это надеюсь. Мы строим канализацию, больницы, платим налоги и роялти. Это составляет значительную часть их ВВП. Они действительно видят выгоду от нашего присутствия, поэтому я

надеюсь, что они не будут менять свои правила так быстро, как это сделали развитые страны. В целом же, если посмотреть на мир сегодня, станет очевидно, что государства делают недостаточно для стимулирования инвестиций.

Даже если говорить о России, здесь должны больше поощрять привлечение в страну иностранных инвестиций. Работать в России, несомненно, становится легче, но Россия располагает обширными запасами полезных ископаемых, которые еще не начинали разрабатываться. Есть ли у местных горнодобывающих компаний собственный или заемный капитал для этого? Есть ли у них возможности для привлечения такого капитала? У некоторых есть, у других нет, но вы могли бы больше содействовать инвестированию в горнодобывающую промышленность в России, чтобы побудить иностранные компании вкладывать сюда больше средств. Мы вложили сюда средства, и нам здесь нравится. Если бы было больше содействия, мы могли бы вложить еще.

Ч. Робертсон:

Итак, первый момент — это привлечение инвестиций, но я просил назвать два или три аспекта. Очень кратко, в каких еще двух-трех направлениях должны действовать правительства? Мы должны приветствовать и стимулировать иностранные инвестиции в Россию. Как Вы думаете, что еще здесь могли бы сделать?

А. Гласенберг:

Не менять касающихся нас правил после того, как мы вышли на рынок. Не менять налогов и не менять роялти. Когда мы создаем модели для будущих инвестиций, мы хотим знать все, прежде чем вложить свой капитал. Вкладывая капитал, мы должны прогнозировать цены на сырье. Это достаточно трудно. И не хотелось бы еще гадать, какими будут налоги. На сегодняшний день налоги и роялти составляют определенный процент. Не

надо этого менять, потому что иначе наши расчеты будут неверными. Дайте нам больше стабильности, потому что мы вкладываем значительные средства. Давайте обеспечим нашим инвесторам возврат вложенного капитала.

В. Соловьев:

Я согласен с Айвеном. Мы определенно видим тенденцию к национализации в различных странах. И неважно, какая это страна, развитая или развивающаяся. В Гвинее, в частности, у нас была та же проблема. Согласно новому Горному кодексу, правительство хочет получить 15%-ю долю в любом новом объекте или в любой существующей концессии. Проблема в том, что четыре года назад, в 2007 году, это был отдельный цикл. Сегодня ситуация изменилась. Они не понимают, что сегодня ситуация совершенно иная, чем три года назад. Вот почему, если правительства пойдут по этому пути, они не только сократят инвестиции в свои страны, но и полностью их остановят. Инвестиции сократятся, потому что уже сейчас ряд компаний хочет уйти из Африки. Только китайские компании продолжают приходить в Африку, возможно, потому, что у них больше возможностей для снижения потерь.

Отвечаю на Ваш вопрос о том, что еще могут сделать правительства для поддержания и поощрения инвестиций. По-моему, главное, что правительства могут и должны делать — это инвестировать в инфраструктуру. Что касается, в частности, России, то нам повезло в том, что здесь есть разветвленная сеть железных дорог и развитый энергетический сектор. Но сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, при которой эта инфраструктура стареет, и ее приходится менять и расширять. Например, мы можем перевезти в восточную часть России не более 100 миллионов тонн грузов. Если сравнить это с Китаем, который — поправьте меня, если я ошибаюсь, — импортирует два миллиарда тонн железной руды и угля, то вы увидите, что 100 миллионов тонн пропускной способности российской инфраструктуры для перевозки угля и прочих грузов из центральной России на восток — это ничто. Это означает,

что страна определенно должна сделать огромные инвестиции в железнодорожную и энергетическую инфраструктуру и в производство энергии.

Главный вопрос: как это сделать? Если правительство сделает это через тарифы, оно убьет промышленность. На протяжении последних трех лет энергетические тарифы в России резко возросли: рост составил 50—70%, а в некоторых регионах даже 100%. Однако, выходя на мировой уровень, мы как производитель видим, что есть регионы с гораздо более низкими тарифами, в которых мы можем разместить свое производство. Пять лет назад мы о таком даже и не мечтали. Например, сегодня я могу построить металлургическое предприятие в Канаде и иметь тариф 3%. Сегодня в восточной части России такого тарифа вообще нет. Это проблема. Поэтому, если вы хотите стабильного роста и инвестиций, то вы обязательно должны вкладывать средства в инфраструктуру не через тарифы, а через какие-то ресурсы и через бюджет, так как только это позволит вашей стране развиваться, привлекать новые компании, новые инвестиции и вести новое строительство.

Очень важна стабильность. Нельзя непредсказуемо менять правила. Если в течение следующих 5—10 лет правительство России будет уделять больше внимания вопросам инфраструктуры, например, развитию Сибири, это непременно привлечет больше инвестиций.

А. Гласенберг:

Я думаю, Вы правы в том, что инфраструктура имеет большое значение. Россия действительно кое-что делает это в этом направлении. Но и Китай довольно интересен. Вы говорите о том, что он приходит в Африку, мы видим его в Конго и в Анголе.

Тем не менее, китайцы не вкладывают в рудники в Африке таких значительных средств, каких я от них ожидал, учитывая их потребность в поставках. Мне кажется, китайцы поступают очень умно, позволяя инвестировать средства горнодобывающим компаниям. Я всегда думал, что

Китай будет добиваться покупки крупными горнодобывающими компаниями долей в 10, 15 или 20% для защиты от изменения цен на сырье. Но они этого не сделали. Они явно считают своей единственной заботой свою потребность в поставках. Показатели, о которых мы с вами говорили, свидетельствуют о том, что Китаю необходимо увеличить поставки сырья в страну.

Как они собираются этого добиваться? Они смогли построить шахты и использовать Африку для своего нового роста, но сделали это в меньшем масштабе, чем я ожидал. Они создают инфраструктуру в Африке. Мы видим, как китайцы занимаются строительством дорог в Конго и приступают к развитию железнодорожной сети. Мы видим их в Анголе, где они осуществляют все строительные работы в области инфраструктуры, например, в секторе расширения портов.

Это довольно разумное решение, потому что они развивают инфраструктуру, которой сможем пользоваться мы, горнодобывающие компании, а это обеспечивает больше поставок в Китай. Как сказал Роберт, инфраструктура имеет большое значение, и будем надеяться, что Китай продолжит строительство инфраструктуры в Африке, что облегчит нам вывоз добываемого там сырья.

Джун Ма:

Небольшое пояснение по поводу того, как Китай строит инфраструктуру в Африке. Я считаю, что это выгодно не только для горнодобывающего сектора, который будет пользоваться этой инфраструктурой, но и для инфраструктурных компаний, работающих в Китае.

Эта ситуация понятна на примере с железнодорожными компаниями, которые ведут строительство в Африке, и с производителями, которые будут поставлять энергетическое, телекоммуникационное и железнодорожное оборудование. Они все будут продавать эти товары в Африке. Поэтому в настоящее время Китай экспортирует в Африку комплекс из производства и услуг.

Я думаю, что согласованность между различными элементами этой программы должно обеспечить правительство, поскольку это очень трудно гарантировать на уровне отдельных компаний. Но позвольте мне вернуться к проблеме потребностей Китая в инфраструктуре. Вы сравнивали некоторые данные по аэропортам и другим объектам в Китае и США. Мы раньше уже говорили об этом. Если просто посмотреть на число аэропортов в Китае и США, то это может зависеть будущий спрос в Китае, потому что плотность населения в Китае и США очень разная. Плотность населения в Китае, как минимум, в пять раз выше, чем в США. Это означает, что Китаю не нужно так много аэропортов, поскольку там нет такого числа отдаленных мест.

Но это не означает, что Китай не будет тратить. Китай продолжит строительство таких объектов инфраструктуры, как аэропорты, дороги и метро. Это не означает, что общий объем инвестиций должен каждый год повышаться до бесконечности. Фактически в ближайшие несколько лет он может увеличиться очень незначительно и, возможно, в какой-то момент, может быть, через пять или десять лет, выйти на постоянный уровень. Потом, при условии сохранения такого ежегодного уровня инвестиций, строительство аэропортов может быть продолжено. Рост будет менее значительным, чем можно предположить, просто сравнив число аэропортов в Китае и США. В первую очередь, это относится к стали и железной руде. Что касается сельскохозяйственной продукции — соевых бобов и других товаров — то здесь я предполагаю рост рынка.

Коренная причина этого связана с демографией: заработная плата в Китае в настоящее время растет на 13% в год, и работники сельского хозяйства тоже стремятся к аналогичному росту своих доходов. Иначе им непонятно, зачем оставаться в деревне, когда их братья и сестры уезжают в города и получают там зарплату на 13% больше. Они хотят увеличения доходов на 10%, но кто им его обеспечит? Это должно быть сделано через цены на сельскохозяйственную продукцию, если только правительство не в состоянии предоставлять им неограниченные субсидии, что невозможно с финансовой

точки зрения. Будем консервативными и скажем, что рост доходов работников села будет поддерживаться за счет роста цен на сельскохозяйственную продукцию на 7% в год — просто в целях социальной справедливости.

Это создаст тенденцию к росту на мировых сельскохозяйственных рынках, потому что в конечном итоге цены на сельскохозяйственную продукцию в Китае станут гораздо выше мировых цен. Я не думаю, что в остальной части мира — в Бразилии, Австралии или Новой Зеландии — в течение нескольких десятилетий цены на сельскохозяйственную продукцию будут расти на 7% в год. Китаю придется импортировать гораздо больше продовольствия из других стран мира, что, в свою очередь, подтолкнет к росту мировые сельскохозяйственные цены.

Д. Бартон:

У меня всего пара замечаний. Я хотел бы продолжить разговор на тему глобальной стабильности. Я хочу подчеркнуть этот момент, потому что в рамках тех десяти триллионов долларов США, о которых я говорил, Индонезия, например, очень заинтересована в том, чтобы расширить свою инфраструктуру. Удивительно, почему люди не вкладывают пенсионные средства в свою страну. Это происходит потому, что все боятся, что после того, как деньги будут вложены, в стране изменятся правила, как это произошло в 1990-е годы. Существует боязнь изменений.

Когда на сырьевом рынке ограничено предложение, нам приходится идти в отдаленные регионы. Вы упомянули Африку. А есть еще Северная Корея и мировой океан. Есть разработчики технологий, которые думают над тем, каким образом можно добывать железную руду на километровой глубине. Я не знаю, возможно ли такое вообще. Правительства, похоже, также не в полной мере понимают сложность многих технологических задач и важность фактора стабильности правил игры. Я считаю особенно досадным то, что в таких местах, как Европа, остро стоит вопрос безработицы, — здесь я не имею в виду горнодобывающую промышленность. Речь идет о сфере

инфраструктуры. Этим странам тоже необходимо перестраивать инфраструктуру, что позволит создать огромное количество рабочих мест. Много денег находится в пенсионных фондах. Люди хотят помещать туда свои деньги. Но и здесь стоит вопрос стабильности регулирующей структуры. Я думаю, что в сегодняшней ситуации об этом можно говорить постоянно.

Если мы не выстроим правильные взаимоотношения между государством и частным сектором, то следует ожидать скачка цен на продукты питания. Особенность этих отраслей состоит в том, что цены на такую продукцию устанавливаются с учетом предельных затрат, а эти затраты растут. Этот рост не будет комфортным и плавным, чтобы под него мы все смогли бы подстроиться. Если что-то и пугает правительства, так это как раз нестабильность, вызванная резким повышением цен на сырьевые и продовольственные товары. Мы также считаем, что это скажется на прибыли компаний, выпускающих обычные потребительские товары. Я думаю, что это вопрос стабильности, у которого много аспектов.

Ч. Робертсон:

Если можно, в этом месте я хотел бы сделать замечание: я думаю, Вы будете очень популярны у Президента Путина, который выделяет стабильность как одно из достоинств ближайших нескольких лет. Мы с вами здесь говорим о рисках и изменении в их восприятии. Вы говорите о некоторых рисках работы в Африке. Это верно, но я думаю, что и на Западе наблюдается повышение рисков.

Меня это беспокоит с точки зрения рынка. Я считаю, что инвесторы совершают ошибку, покупая ценные бумаги казначейства США с доходностью 1—2%, в то время как доходность российских рублевых облигаций составляет 8% при российском государственном долге в 10% от ВВП, а американском — около ста. Чем, если не ошибкой, можно назвать покупку немецких облигаций с учетом потенциального дефолта Испании?

Я чувствую, что формула риска изменилась. Вы предполагаете, что это касается и горнодобывающего сектора. Вас подводили западные правительства, а также правительства некоторых развивающихся стран. Однако вы все равно идете в Африку. Что касается производства продовольствия, то половина необрабатываемых земель мира, я полагаю, тоже находится в Африке. Это поможет инвестициям, а по мере того, как страны богатеют, они обычно становятся более стабильными, более предсказуемыми.

Я с большим удовольствием объявляю, что настала очередь вопросов из зала. Я уже вижу поднятые руки. Пожалуйста, Ваш вопрос.

У Кантай:

Добрый день, меня зовут Уоллес Кантай, я представляю NTV в Кении. Меня поражает, что вы говорите об Африке как о едином образовании. Сегодня Африку составляют 54 отдельных страны с разными моделями развития и разной степенью стабильности. По-разному организованы и взаимные связи этих стран: существует Восточноафриканское сообщество и Сообщество развития Юга Африки. Африка очень разнообразна. Когда вы говорите об Африке как о едином целом — с положительной ли, с отрицательной ли стороны, — я испытываю досаду и недоумение.

Ч. Робертсон:

Абсолютно справедливое замечание. Можно провести, например, различие между семью странами, которые недавно сменили правительства. Я не буду их называть, но некоторые из них склоняются в сторону социалистического пути развития. Это, пожалуй, в большей степени беспокоит горнодобывающие компании и приветствуется остальными. Мы можем говорить о Сьерра-Леоне, где прогнозируется 36%-й рост ВВП. Это сегодня второй по величине рост в мире после Ливии, еще одной африканской страны, где рост ВВП составляет 70%. В-общем, это абсолютно справедливая критика.

А. Гласенберг:

Обратите внимание, что об Африке мы говорили сегодня в хвалебных тонах. Этот регион не преподносит нам большого количества неожиданных изменений в налоговой политике и в правилах игры в целом.

Я знаю, что в Гвинее произошли определенные изменения в связи с приходом нового правительства, но мы как компания, инвестирующая в Африке, не пострадали от этого. Африка относится к нам довольно хорошо.

Когда я говорил об Африке в целом, то имел в виду, что, за исключением ЮАР, у нее нет развитой сырьевой промышленности. Африка сейчас обновляется, и нужно идти туда, развивать ее. Значение Африки велико, потому что она располагает сырьем. Большинство стран Африки богаты сырьевыми товарами, хотя это разные виды сырья. Сегодня мы активно работаем примерно в 15 странах Африки. Они очень разные, но все очень богаты различными сырьевыми ресурсами. Мы активно работаем в Экваториальной Гвинее, Буркина-Фасо, Мавритании, Камеруне, Замбии, Демократической Республике Конго (со столицей в Киншасе) и в Республике Конго (столица Браззавиль), поэтому мы присутствуем во всех частях Африки, которая очень богата сырьем.

Но общей чертой африканских стран, и здесь я уже говорю об Африке в целом, является отсутствие инфраструктуры. Африканские страны не имеют развитой инфраструктуры, позволяющей им экспортировать свои сырьевые товары.

В Южной Африке инфраструктура развита, в этой стране давно существует горнодобывающая отрасль. Как вы знаете, там добывалось слишком много сырья, а теперь добыча сократилась. Южная Африка сейчас уже не такая добывающая страна, какой она была когда-то. По-моему, сейчас на долю горнодобывающей промышленности приходится менее 15% от ее ВВП, а раньше эта цифра была гораздо выше.

Африке в целом недостает инфраструктуры для экспорта своего сырья, и тут я говорю об Африке как едином образовании.

Из зала:

Вопрос господину Гласенбергу: Вы только что упомянули Африку и инфраструктуру. У Китая есть модель инвестирования в горнодобывающую промышленность: «Инвестиции за ресурсы». Рассматривали ли Вы и компания Glencore модель инвестирования такого типа, при которой вы инвестируете в инфраструктуру и получаете доступ к ресурсам, поскольку инфраструктура является узким местом? Сегодня на совещании во Внешэкономбанке (ВЭБ) мы обсуждали с главами экспортно-импортных банков и ЕБРР нехватку средств для финансирования инфраструктуры в странах БРИКС, включая Южную Африку. Готовясь к настоящей сессии, я натолкнулся на упомянутую модель и подумал: а не хотите ли вы рассмотреть что-либо подобное? Спасибо.

А. Гласенберг:

Мы — не инфраструктурная компания. В этом разница. Мне известно, что Китай работает в Африке по этой модели. В Конго они согласились на финансирование некоторых инфраструктурных проектов, не имеющих никакого отношения к горнодобывающей промышленности. В обмен на эту инфраструктуру Китаю предоставили определенные природные ресурсы. На этих условиях Китай развивает, например, всю дорожную сеть в Конго-Киншаса. Такая модель в какой-то мере работает. И все же, Glencore является горнодобывающей компанией. Я ничего не понимаю в строительстве дорог. Возможно, когда-нибудь в будущем, когда наша компания станет достаточно большой, мы тоже подумаем об инфраструктуре. Мы вкладываем наши знания и опыт в горнодобывающую промышленность, а в вопросе развития инфраструктуры полагаемся на других.

Это хороший вопрос. Китай действительно активно работает в Африке. Но на днях я беседовал об этом континенте в Великобритании. Англичане вообще считают, что они должны участвовать в развитии Африки, поскольку они оказывают гуманитарную помощь определенным африканским странам. Итак, я на днях беседовал в Великобритании с людьми, которые говорили о том, что у них есть очень хорошая компания, занимающаяся строительством железных дорог. Я предложил им приехать в Африку и помочь нам в развитии железных дорог. В Конго работать очень выгодно. У Конго колоссальные возможности для роста, и не только для компании Glencore. В эту страну инвестирует компания Freeport-McMoRan и несколько китайских компаний. То есть, ряд горнодобывающих компаний вкладывает туда капиталы.

Я сказал этим людям, чтобы они ехали в Африку и строили там инфраструктуру с гарантированной прибылью, поскольку мы заключили бы с ними соглашение по схеме «бери или плати». Они сказали бы нам, какую они хотят получить прибыль, а мы бы возложили на них обязательства по тоннажу по системе «бери или плати», если они построят для нас инфраструктуру.

Я думаю, что для Glencore это наиболее подходящий вариант работы. Пусть кто-то построит инфраструктуру, а мы предложим им соглашение по схеме «бери или плати». Именно так в Южной Африке разрабатывалось месторождение угля, и создавался порт Ричардс-Бей. Это делали разные люди. Банки вложили деньги и сформулировали обязательства, а другие люди заключили соглашение по системе «бери или плати». Мне нравится такой вид типового соглашения.

Из зала:

Я думаю, что у Glencore больше компетенции, потому что, когда этим занимается государство, то опыта и знаний обычно не хватает. Присутствует и коррупция.

А. Гласенберг:

В этих частях Африки, я должен сказать, правительство открыто. Они открыты, если вы хотите ввести в дело других людей. В Конго в настоящее время дефицит электроэнергии, поэтому правительство не возражало против того, чтобы мы привлекли со стороны кого-то, кого мы заранее профинансировали. Они разрешили нам вложить 300 миллионов долларов США в местную электростанцию, чтобы привлечь к ее развитию стороннюю компанию. Над этим мы, как видите, работаем.

Ч. Робертсон:

Я бы хотел задать еще один пессимистический и страшный для экономиста вопрос, а затем мы постараемся закончить чем-то более веселым.

Если через один—два года Испания выйдет из еврозоны, ВВП еврозоны сократится на 5%, как минимум. У меня такой вопрос: думаете ли Вы, что Китай в этой ситуации будет готов влить еще 30% ВВП в новые кредиты в то время, как мир переживает повторение ситуации с Lehman Brothers?

Джун Ма:

Вы, по сути, спрашиваете: что будет, если повторится сценарий с кризисом банка Lehman Brothers? В начале 2009 года объем экспорта из Китая уменьшился на 26% из-за сокращения мирового спроса и, что еще важнее, из-за замораживания кредитования в мировой финансовой системе. Предположим, что это произойдет вновь. По ряду причин я не думаю, что Китай будет стимулировать экономику так же, как это делалось в 2009 году. Во-первых, он получил урок, потому что мощный пакет экономических стимулов 2009 года в результате привел к инфляционному пузырю. Кроме того, было выдано много неработающих кредитов из-за перерасхода средств некоторыми инфраструктурными компаниями. Сейчас эти уроки представляются очевидными, и они были признаны на уровне выработки политики. Вывод: мы не будем повторять такую программу. Об этом было

официально заявлено два месяца назад представителями Национальной комиссии по развитию и реформам Китая.

Теперь такой вопрос: что будет, если подобные внешние потрясения произойдут снова? Что может сделать государство без такой программы? Думаю, что потенциальных вариантов действий немного. Первое: государство может продолжить снижение процентных ставок. До сих пор эти ставки снижались один раз, но я думаю, что в случае более значительных потрясений, возможно, такое снижение будет сделано еще три или четыре раза. Второе: у Китая еще есть финансовые возможности для определенного стимулирования экономики. Это уже не четыре триллиона, но несколько сот миллиардов можно использовать.

С точки зрения кредитования, судя по моим расчетам, в 2009 году фактическое увеличение объема кредитов было на пять триллионов выше первоначального плана, который был составлен до того, как можно было прогнозировать кризис. Я думаю, что, даже если бы произошел такой кризис, как с банком Lehman Brothers, то он составил бы очень маленькую долю этого прироста.

Смысл в том, что мы не увидим таких же темпов оживления экономики, потому что стимулирование было бы гораздо меньше. Кроме того, говоря о годовом исчислении, по нашим прошлым оценкам величина спада составила примерно 2—3% годового ВВП, а в течение двух кварталов ВВП вырос примерно на 15%. Вот так работает хорошее стимулирование. В следующий раз, если будут резкие внешние потрясения, нам будет нужен подъем на 3—4% в течение нескольких кварталов. Это означает, что внешних выгод для других стран также будет меньше.

Ч. Робертсон:

Возможно, работники сырьевого сектора признают, что мир не рухнет, как он не рухнул и в 2008 году. Мы бы уже не упали так сильно, но не имеете ли Вы в

виду, что не ожидаете, что китайское стимулирование обеспечит такой же подъем в случае наихудшего сценария?

Джун Ма:

Я думаю, что все согласятся с тем, что Китай не будет реализовывать какую-либо широкомасштабную программу.

Ч. Робертсон:

На данный момент это еще не самый худший сценарий.

Джун Ма:

Даже в случае повторения наихудшего сценария, прежде чем Китай сделает что-либо, будет достигнут консенсус. Достичь консенсуса очень легко, и 2009 год в Китае не повторится.

Ч. Робертсон:

Несмотря на угрозу для стабильности.

Джун Ма:

Фактически, одной из угроз для стабильности является раздувшаяся в 2009 году безработица. У нас был очень короткий период, в течение которого около 20 миллионов человек потеряли работу в экспортном секторе, но в результате краткосрочного давления этой безработицы практически не было никакой нестабильности.

Многие люди были повторно трудоустроены: некоторые нашли работу в инфраструктурной сфере, другие вернулись в сельское хозяйство. Большинство работников села социально защищены фактором наличия своего хозяйства. Это очень важный институциональный элемент, который не дал безработице в Китае вылиться в социальную проблему. Мы продолжаем сохранять такое положение.

Ч. Робертсон:

Доминик, хотели бы вы что-либо сказать в завершение?

Д. Бартон:

Подводя итог тому, что Вы, Джун, говорили о возможном выходе Испании из еврозоны и вероятности экономического спада, и, учитывая то, что мы говорили о ситуации с сырьевыми товарами, я бы все же покупал сырье, потому что не думаю, что такой спад будет длительным.

Возвращаясь к вопросу о более глубоких базовых факторах, связанных с перемещением 1,2 миллиона человек в неделю, можно сказать, что это происходит не только в Китае. Население Индонезии сегодня составляет 250 миллионов человек. Об Индии мы уже говорили, а еще есть Вьетнам и Бангладеш. Перемены налицо. Доля потребления в Китае составляет 36% ВВП. Я думаю, что введение бюджетно-финансовых мер наряду с развитием здравоохранения заставит людей тратить больше денег, для этого еще есть возможности.

По-моему, мы должны ориентироваться на долгосрочную перспективу, даже если я и смотрю в ближайшее будущее без оптимизма. Это будущее будет болезненным, но мы находимся на кривой неизбежного роста, и, несмотря на нестабильность, не думаю, что в случае выхода Испании из еврозоны или краха евро система полностью разрушится.

Ч. Робертсон:

Хотел бы дополнить: я думаю, что весь смысл выхода Испании из зоны евро состоит в том, чтобы дать импульс развитию ее экономики. Этот толчок сработает и создаст новые рабочие места примерно через два года. Производство снова будет становиться конкурентоспособным. В этом состоит преимущество.

А. Гласенберг:

Я думаю, это правильно. Если просто посмотреть на цифры, то до кризиса 2008 года мы все говорили о сценарии «Сильнее и дольше». Что там есть, и почему мы «Сильнее и дольше»?

Начнет Китай рост или нет, Индия и Индонезия все равно придут. Почему душевое потребление разных видов сырья не должно расти? Все в мире хотят иметь одинаковый уровень жизни. Люди узнали, что такое высокий уровень жизни, и хотят его достичь. На достижение этого уровня разным странам потребуется разное время, поэтому спрос на сырье будет продолжаться по так называемому сценарию «Сильнее и дольше».

У нас будут сбои, как это было в 2008 году. У вас есть кривая спроса, а затем этот мощный сбой. Вот что произошло. Если евро рухнет, я даже не представляю, насколько большим будет этот сбой. Продлится он два или три года? Я не экономист, но знаю, что у нас на пути будут такие сбои.

Они, кстати, дают толчок повышению цен на сырьевые товары. Я думаю, что это скором времени произойдет, если у нас опять не будет такой проблемы, как в 2008 году. Когда бывают такие сбои, люди перестают строить и перестают расширять предложение. Владислав помнит, что мы сделали в «РУСАЛе» в 2008 году. Мы сократили расширение производства, над которым работали. Мы его приостановили. Все было остановлено. Когда мир пытается наверстать отставание, новые поставки не идут. Позднее эти кризисы обостряют проблему, потому что люди прекращают строить.

Сегодня инвесторы устали от недостаточной рентабельности инвестиций, и они не дают горнодобывающим компаниям заниматься строительством новых крупных предприятий. Инвесторы не позволяют реализовывать новые проекты, поскольку эти проекты не обеспечивают возврата вложенного капитала. Это будет замедлять весь процесс. В конечном итоге инвесторы скажут: нам были нужны эти проекты, и нам не следовало их замедлять. Но если горнодобывающие компании не будут продолжать инвестирование, я думаю, что Китай, в конце концов, поймет, что это должен сделать он.

В. Соловьев:

По-моему, не так важно, что происходит с Испанией. Если ориентироваться на фундаментальные вещи, я бы все равно покупал сырьевые товары. Если посмотреть на разные цифры: показатели китайской, индийской или индонезийской экономики, — все говорит о том, что в указанных странах существует огромный спрос. И он непременно сработает в ближайшем будущем. Вот почему, если нужно выбирать из разных видов инвестиций, лучше всего вкладываться в сырье. Я считаю, что именно так все и произойдет.

Ч. Робертсон:

Подводя итог, я выскажу такую мысль: когда Президент Путин говорит о стабильности, к его словам стоит прислушаться. По крайней мере, похоже, что ему нравится горное дело. Будут существовать возможности и в Африке. Будем надеяться, что и Китаю удастся совершить «мягкую посадку».

Еще я хотел бы поблагодарить всех выступавших, вы отлично справились с задачей. Большое спасибо всем за участие.